

УДК: 726.71/.74 + 82(6+94)

ББК: 85.113(2)

DOI: 10.18688/aa2212-04-24

М. А. Башкирова

Вифания митрополита Платона в зеркале русского романтизма

Вифанская обитель была основана митрополитом Платоном (Левшиным, 1737–1812) в качестве личной резиденции и будущей усыпальницы в 1783 г. При его жизни Вифания стала важным духовным и интеллектуальным центром: здесь гостили многие московские знакомые митрополита — Иван Васильевич Лопухин (1756–1816), Иван Петрович Тургенев (1752–1807), Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823), Федор Петрович Лубяновский (1777–1869), позднее — император Павел I; она упомянута в воспоминаниях Е. П. Яньковой (1768–1861) [4], а также путевых записках Франсиско де Миранды (1750–1816) [15] и письмах Марты Уилмот (1775–1873) [34, р. 401]; вид Вифании с портретом митрополита Платона вошел в серию полотен Ж. Делабарта¹, на которых была запечатлена Москва и её окрестности. Спустя два десятилетия после смерти Платона, обитель (отношение к которой и при жизни митрополита, и позднее, было неоднозначным) вновь стала привлекать внимание — на этот раз русских литераторов, которые открыли в её основателе интересного мыслителя и «собеседника».

Все письменные свидетельства о посещении подмосковной Вифании являются собой ценность — хотя бы как источники для реконструкции первоначального облика обители, разрушенной в 1930-е гг. Но особое место в корпусе текстов занимают травелоги русских романтиков — религиозного писателя Андрея Николаевича Муравьёва (1806–1874) [20], одно время занимавшего пост обер-секретаря Синода, литератора и мецената Павла Петровича Свиньина (1787–1839) [23] и литературного критика, профессора Московского университета Степана Петровича Шевырёва (1806–1864) [29] — каждый из которых являлся попыткой «ретроспективного диалога» с митрополитом Платоном.

Путевая проза А. Н. Муравьёва, П. П. Свиньина и С. П. Шевырёва как произведения художественно-документального жанра подразумевают не просто фиксацию достопримечательного и хронологию путешествия, но и авторскую рефлексию, привнесение субъективного опыта в размышление о том или ином месте совершенного ими путешествия [14, с. 8; 21, с. 564]. Появившись раньше научных описаний, эти очерки первыми привлекли внимание публики к монастырю, к тому времени уже частично забытому и пришедшему в упадок. Влияние некоторых из них прослеживается в самом первом (и долгое время остававшемся единственным) искусствоведческом исследовании, посвящённом архитектурному ансамблю Вифании, которое было опубликовано в 1925 г. историком искусства А. Н. Свириным [1, с. 75–81; 10, с. 23].

¹ Ж. Делабарт. Вид Троице-Сергиевой Лавры от Вифанского монастыря. 1797 г. Холст, масло. ГРМ.

В статье исследуется короткий, но яркий период в истории подмосковной Вифании, пришедший на вторую треть XIX в. Он ознаменовался встречей двух эпох — Просвещения и Романтизма — и возникновением особого дискурса, вышедшего за пределы проблематики истории ансамбля или иконографии архитектуры. Элементы экфрасиса [6; 11] в сочинениях трёх названных выше авторов в силу внутренних законов этого жанра естественно размежевывает их с кругом документов, обладающих утилитарной функцией источника для воссоздания облика этой утраченной обители. Поколение русских романтиков, задавшись целью истолковать идеиную программу, разработанную митрополитом Платоном, осуществили своеобразный «диалог перед изображением», в котором первым «высказыванием» были как проповеди основателя, непосредственно толкующие символику интерьера возведённого им храма, так и сам Преображенский собор с его замысловатым алтарём. В отличие от них посетители Вифании рубежа XVIII–XIX вв. и мемуаристы более позднего времени лишь описывали увиденное, иногда прибавляя собственные — порой негативные, но неизменно поверхностные — оценки.

Хотя в фокусе внимания находятся описания платоновской Вифании, созданные А. Н. Муравьёвым, П. П. Свининым и С. П. Шевырёвым, помимо них были проанализированы и другие виды текстов — мемуары, автобиографии, дневники, путевые записки и письма путешественников, хозяйственная переписка. Цитаты некоторых из них приведены в статье для того, чтобы, с одной стороны, показать контекст истории восприятия обители её современниками, в котором русский романтический травелог второй трети XIX в. открывается как явление, конгениальное объекту описания, а с другой — некоторую исчерпанность Вифании как темы после поколения романтиков. Последнюю «дань» уважения замыслу Платона отдаёт в начале XX в. архимандрит Арсений (Стадницкий), и в его дневниковой записи вновь появляются зозвучные романтическим сочинениям интонации [16, с. 54].

Самое раннее из известных описаний интерьера вифанского Спасо-Преображенского собора, явившегося центром всей идеиной программы обители, относится к 1806 г. Это воспоминания Е. П. Яньковой, которые замечательны ещё и тем, что передают её оценку его необычной архитектуры: в восточной части вифанского собора была возведена конструкция с двумя, поставленными друг над другом, алтарями, имитирующая гору с пещерой и долженствующая по замыслу митрополита Платона изображать евангельский Фавор. Можно предположить, что Янькова выразила общее мнение, принятное в Москве на рубеже XVIII–XIX вв.: «Много рассказывали о новой Вифанской церкви, устроенной внутри наподобие горы Фавор: кто хвалил, а кому и не нравилась, и вот наконец довелось мне и самой её видеть. ... Церковь мне не понравилась: нижняя очень низка и как-то сдавлена, а Преображенская, верхняя, хотя и довольно высока и обширна, но площадка наверху мала, всходы круты и, что очень странным показалось всем нам, множество разных звериных чучелок рассованы во мху, которым устлана гора. Это как будто не идёт ко храму Божию. Конечно, владыка был умный человек и знал, что делал, и, может быть, на его взгляд это было очень благолепно, но по нашим мирским суждениям казалось неодобрительным²» [4, с. 128].

² Здесь и далее цитаты источников приведены с авторской пунктуацией — прим. авт.

Отметим сразу, что все тексты, посвящённые Вифании и Преображенскому собору, фиксируют своеобразную художественную ситуацию в русском искусстве XVIII в.: экфрасиса удостаивается не художник, творец архитектурного произведения, а ктитор, являвшийся автором концепции.

Дружеские визиты в Вифанию к митрополиту Платону описаны в мемуарах князя И. М. Долгорукого [9], И. В. Лопухина [12] и его протеже Ф. П. Лубяновского [13, с. 456–462]. Долгоруков оставил воспоминания о Платоне, которые, видимо, положили начало своеобразной литературной традиции сравнивать этого церковного иерарха с философом: «Бывая у него в Вифании, я забывал, что я у пастыря и думал, что меня принимает философ. Жизнь его под конец была самая простая, тихая, натуральная» [9, с. 258–259]. К сожалению, архитектурный облик Вифанского ансамбля и Спасо-Преображенского собора практически никак не отражён в воспоминаниях московского окружения митрополита. Его составляли люди, с которыми Платон не всегда совпадал во взглядах, однако поддерживал вполне дружеские отношения: «Часто бывал я тогда у преосвященного Платона, митрополита Московского, которого отличным благорасположением я тогда пользовался. Он очень в разговорах возставал против нашего общества, однако же разставались мы всегда приятелями» [12, с. 23]. Даже краткое, хотя и не слишком точное, описание Вифании Ф. де Миранды, побывавшего в Москве в 1786–1787 гг., по сравнению с русскими мемуарами оказывается информативнее [15, с. 195–196]. Следует также упомянуть близкие к этой группе источников по истории монастыря воспоминания графа М. Д. Бутурлина (1807–1876) [7, с. 427] и графа М. В. Толстого (1812–1896) [26, с. 280], в которых зафиксированы некоторые незначительные, но интересные детали вифанского быта в первое десятилетие после смерти митрополита Платона.

Расцвет литературного путешествия приходится на эпоху Просвещения (когда-то дань увлечению этим жанром отдал и сам митрополит Платон, оставивший путевые записки о поездке в Киев и инспекции собственной епархии [17, кн. 8, с. 284–328]) и вновь актуализируется внутри романтического направления. Обычно этот жанр сопряжён с познанием чужих стран и иных культур, но с конца XVIII в. актуальным становится путешествие вглубь собственной страны, что приводит к распространению «внутреннего» трактата³. Ко второй трети XIX в. русская провинция начинает восприниматься русскими литераторами как нечто достойное путевого очерка, причём требующего вдумчивого изучения и потенциально содержащего в себе тему для литературно-философского размышления.

Всё это косвенно свидетельствует о некотором отстранении авторов и их читателей от реалий жизни вне столиц и традиционной культуры, сохраняющейся, в частности, внутри монастырей. Хотя, разумеется, Платоновскую Вифанию нельзя назвать традиционной русской обителью: будучи православным монастырём, она заключала в себе собор с замысловатым искусственным гротом на месте алтаря и по-мирски обставленные покой митрополита, личность которого в сознании людей XIX в. была связана

³ Словосочетание «внутренний трактат» приведено по аналогии с «обратным трактатом», которым А. М. Эткинд охарактеризовал тенденцию, наметившуюся в сочинениях русских писателей-эмигрантов второй трети XIX в. [31, с. 53]. Будучи употреблено только с тем, чтобы обозначить тематическую общность внутри жанра, оно не претендует на статус термина.

с противоречивым правлением Екатерины II. В данном случае «инаковость» как один из возможных жанровых критериев литературного путешествия [21, с. 565], необходимая культурная «дистанция» между автором трактолога и описываемым памятником, заключается в их принадлежности к разным поколениям.

А. Н. Муравьёв, побывавший в Вифании между 1832 и 1836 гг., откликается на идеиную программу обители митрополита Платона восторженным сочинением [20, с. 57–62], удивительно точно соответствующим канону античного экфрасиса: объект описания — алтарь храма, куда автор попадает, путешествуя; оно таинственно и требует истолкования; проглядывается пара экзегет–зритель, причём в трактологе Муравьёва именно он, путешественник, открывает смысл увиденного Наследию монастыря (символика иссохшего дерева); в описание даже включён мотив сверхъестественного сияния (вид Лавры на закате) [6, с. 282].

Замечательно, что Муравьёв, увидевший в основателе Вифании своего единомышленника, предвосхитившего идеи романтизма, пытается продолжить цепь богословских рассуждений Платона и с мистическими интонациями описывает монастырь и интерьер Спасо-Преображенского собора: «Всё носит в Вифании отпечаток его оригинального ума, начиная с самого имени обители, напоминающей Никонов Иерусалим. Внутреннее устройство церкви ещё замечательнее. На месте иконостаса представляется каменная гора, покрытая мохом, с крутою тропинкою на ея вершину. Это Фавор, и на нём стоит малый олтарь Преображения; внизу, как бы в Лазаревой пещере, другой малый престол, самая Вифания, и подле в тёмном вертепе гроб основателя Платона. Конечно, соединением сих двух церквей, хотел он выразить то дивное преображение, совершающееся с нами, когда в прославленном теле восстанем мы из гроба, куда опускаемся с плачем... и с таким упновием заснул Он в своей Вифании во ожидании Фавора. ... в алтаре Фаворском на углу плащаницы изображён сам молящийся Платон на коленах пред таинственным погребением Спасителя. Замечательна икона, стоящая на престоле, она была комнатною Людовика XVI и привезена в Россею во время революции. Мог ли ожидать несчастный Король, что его домашняя святыня будет украшать Вифанию?» [20, с. 58–59].

При описании окрестностей Вифанского монастыря, напомнивших ему евангельскую притчу о Смоковнице, Муравьёв аппелирует к мнению митрополита Платона, который, как он считает, согласился бы с подобными ассоциациями: «С балкона открывается очаровательный вид. Густая роща, насаждённая самим Владыкою, спускается по оврагу к обширному пруду, и над зеленью ея дерев отрывается как бы второй ярус картины ... Вдали над чаицею подымалось уединённо иссохшее дерево. Я указал его Наместнику и сказал: «если бы оно существовало в таком виде при Митрополите Платоне быть может он назвал бы его иссохшую смоковницею на память притчи Христовой⁴, ибо Спаситель изсушил её на пути из Вифании» [20, с. 60].

Вид Троице-Сергиевой Лавры, открывающийся за Вифанскими прудами, автор превращает в подобие мистического видения и вводит характерный для экфрасиса мотив необычного свечения: «По правую сторону, за изгибом пруда, который далее об-

⁴ Здесь и далее курсив мой. — М. Б.

ращается в речку, видна была величественная лавра, горящая вечерним солнцем. Все ея остроконечные башни и золотые куполы и над ними лёгкая колокольня, сливаясь в одну великолепную массу давали ей вид Восточной короны, поставленной на землю, подобно тем златым венцам, которые слагают с себя таинственные старцы Апокалипсиса пред престолом живущего во веки, когда небеса поют его славу» [20, с. 61]. В действительности, если сопоставить сочинение А. Н. Муравьёва с изданными проповедями самого митрополита Платона [17], то станет видно, как далеки друг от друга были пути осмыслиения евангельских сюжетов каждого из них. Видимо, Муравьёв находился под влиянием романтического топоса одухотворения природы и отчасти экстраполировал эти идеи на замысл обители.

В итоге подмосковная Вифания в обозрении А. Н. Муравьёва, принадлежащем позднеромантическому дискурсу, предстаёт не столько в качестве реального архитектурного ансамбля, который посещал автор, сколько как сама идеино-богословская программа, когда-то созданная митрополитом Платоном и значительно дополненная писателем.

Описание Вифании С. П. Шевырёва — гораздо более рассудочное и исторически точное, нежели то, что было написано в форме мистического оммажа Платону А. Н. Муравьёвым [29, с. 26–28]. Нельзя не отметить некоторые совпадения и в структуре двух описаний, начинающихся с рассмотрения алтаря и переходящих к покоям митрополита, и в упоминаниях реликвий (деревянного гроба святителя Сергия, образа Спасителя, будто принадлежавшего Людовику XVI). Вероятно, более раннее сочинение Муравьёва стало отправной точкой для главы, в которую вошло описание Вифании, в травелоге Шевырёва. Но чем отчётливее становится композиционное сходство двух текстов, тем явственнее проступает оппозиция авторов.

Шевырёв облекает своё путешествия-эссе в форму учёного травелога, предполагавшего панорамное обозрение истории будто «с вершины» описываемого памятника, отсылки к различным литературным источникам и стремление сделать набросок целой эпохи. Отметим, что эти черты характерны для путевой прозы Стендоля 1810-х–1820-х гг. Стендаль совершал «путешествия» по достопримечательностям Италии в собственной памяти и в прочитанных им когда-то книгах, придавая, как писал В. С. Турчин, «этому материалу новый свет, другую интерпретацию» [27, с. 79]. Как и Стендаль, который в своих «Прогулках по Риму» [25] периодически прибегает к литературному комментарию (будь то жизнеописание правителя, книга авторитетного знатока или старинный трактат, выступающий «документом эпохи»), Шевырёв пытается проникнуть в суть открывшегося его взору произведения через текст. С академической обстоятельностью приводит он довольно обширную цитату из сочинений своего героя, не теряя при этом той особой динамичности повествования, с которой внимание автора перемещается с одного предмета на другой, а также нарочитой «меткости» каждого суждения и афористичности выводов, присущих стилю Стендала.

Обращение напрямую к письменным источникам интересующей эпохи и стало одним из главных достоинств сочинения С. П. Шевырёва. Он впервые процитировал проповедь иерарха, в которой тот объяснял символику вифанского «Фавора» и посвящения алтарей [29, с. 26]. Его метод далёк от герменевтики: напротив, Шевырёв будто

«рассекает» ткань сочинения Платона, стремясь обнаружить под богословским объяснением влияние иной, светской, культуры.

Тон Шевырёва бесстрастен, но в его критическом анализе идейной программы Вифанской обители и тех контрастов, которые являли по отношению к древней Лавре «Фавор» внутри собора и роскошная обстановка кельи — или вернее сказать, покоев митрополита, чувствуется своеобразный азарт исследователя, уверенного в том, что он подобрал единственно верную «оптику» и первым разложил на «спектр» замысел Платона: «Основная мысль этого двойкого храма, как мысль, внушённая верой, принадлежит всем векам. Но на форме её исполнения лежит печать XVIII столетия, которое любило блеск фантазии и игру эффектов. Предстоятели Церкви считали у нас за нелишнее снисходить этой слабости. Отсюда объясняю этот искусственный Фавор, изображающий самую гору с её потоками. … Церковь соединяет у нас всё во имя высшей истины и первая подаёт пример против всего исключительного. В нижнем этаже, в стороне, близ могилы храмоздателя, хранится тот деревянный гроб, в котором пребывали нетленные останки преподобного Сергия. Простота его, окружённая великолепием прошлого века, и здесь напоминает ту духовную силу, без которой не блистала бы и Вифания» [29, с. 26–27].

Автор словно ищет в обители то, что «проговорится» о личности и образе мыслей её основателя: глава, посвящённая Лавре и Вифании заканчивается таким замечанием — «Выходя из этих покоев с живым воспоминанием о личности усопшего хозяина, вы невольно остановитесь мыслью на надписи главного крыльца: «Да благословит Господь вход и исход твой отныне и до века»… Но после этой молитвы, прочтёте сбоку и русскую благоразумную пословицу: «Не выноси сору из дома»» [29, с. 28].

Любопытно также, что Шевырёв сравнивает Вифанию с замком Ферней Вольтера: «Дом митрополита Платона напомнил мне видом Фернейский замок Вольтера. Сближение покажется странным, но оно касается одной внешности: есть у каждого века своё особенное в наружном быту, в украшениях, в приёмах. И там, и здесь вы находите портрет императрицы Екатерины: в Фернене вышит шелком и подарен самой государыней, здесь — вырезанный из бумаги весьма искусно и подаренный Потёмкиным. Там картины, относящиеся к жизни Вольтера, здесь также — к жизни хозяина» [29, с. 27]. Вероятно, Шевырёв был знаком с книгой И. М. Долгорукова [9], в котором обитель Платона была впервые уподоблена «убежищу философа», а также знал о неосуществлённом проекте «Нового Фернея» Екатерины II, о котором императрица писала Гримму [22, с. 105], и счёл, что упоминание резиденции философа внесёт «колорит эпохи» в его собственное сочинение. Вероятно, и первый исследователь архитектурного ансамбля Вифании А. Н. Свирин увидел в подмосковной Вифании «своего рода Эрмитаж» и симптомы обмирщения [1, с. 75], находясь под влиянием путевой прозы, в частности сочинения С. П. Шевырёва.

Ещё один автор, посвятивший в 1830-е гг. очерк подмосковной Вифании — П. П. Свирин, оставилшийся в истории русской литературы комической фигурой из-за своей склонности к преувеличениям [28, с. 368]. Описание обители митрополита Платона вошло в его сборник путевых очерков «Картины России» [23, с. 105–112], изданный в роковом для репутации русского самодержавия 1839-м г., который ознаменовался ещё

одним путешествием по Российской Империи — маркиза де Кюстина, чьи знаменитые путевые заметки были выпущены в свет в 1843 г. под названием «Россия в 1839 году» [33]. П.П.Свињин намеревался продемонстрировать иной образ России, нежели тот, что являли гравюры, наполнившие, как утверждалось в предисловии к его книге, «по восстановлении Александром мира в Европе, картиные магазины, стены на перекрёстках и книжные лавки в Лондоне» [23, с. XI] — фактически Свињин претендовал на то, чтобы стать автором нового «Антидота» [32].

Коренное различие между рассмотренными выше описаниями Вифанской обители А.Н.Муравьёва и С.П.Шевырёва и описанием П.П.Свињина заключается в том, что первые свидетельствуют о внимательном прочтении авторами произведений европейских писателей-романтиков, на чей стиль и умение видеть искусство и архитектуру они во многом равнялись, берясь за собственные сочинения о родной старине, а книга Свињина была задумана как литературная «контратака».

Само описание монастыря и его построек, вышедшее из-под пера П.П.Свињина, было составлено из исторических анекдотов — в равной степени любопытных и незначительных⁵ — и копий надписей на старинных надгробиях, что для литературного путешествия в 1830-е гг. являлось уже анахронизмом.

Самое замечательное в посвящённой обители главе — это гравюра, подписанная «Храм Платонов в Вифании» (Рис. 1). Рисунок для неё был выполнен явно не с натуры и, возможно, не самим Свињиным, а кем-то из многочисленных опекаемых им художников. Изображение собора больше походит на утопический проект в духе французской мегаломании: пропорции здания искажены, а его размеры при сопоставлении с людским стаффажем выглядят неправдоподобно большими — соотношение архитектуры и роста человека достойно готического собора. Однако, несмотря на всю нелепость этой гравюры, она является вместе и мистификацией, и своего рода попыткой реконструировать первоначальный облик интерьера вифанского Спасо-Преображенского собора. Действительно, за семь лет до публикации сочинения Свињина показанные на ней колоннады, поддерживающие хоры, были уничтожены.

Несмотря на заявленное Свињиным намерение создать некий каталог-путеводитель, экспортное сочинение о достопримечательностях России, в вифанской главе он по-своему реализует романтический принцип «двоемирия». Жертвуя документальной достоверностью в пользу желанной концепции (как делал он это не раз [8, с. 454–455]), Свињин представляет читателю свою собственную — «улучшенную» — Вифанию с собором, который существовал только в его воображении.

Нельзя забывать о том, что описания Муравьёва, Шевырёва и Свињина были посвящены монастырю, пребывающему уже в весьма плачевном состоянии: трагически обернулась для него энергичная хозяйственная деятельность нового настоятеля, митрополита Филарета (Дроздова, 1782–1867), которую он наладил по переписке со своими наместниками. Архимандрит Савва (Тихомиров, 1819–1896) писал: «Изящная мысль

⁵ Пример одного из них: П.П.Свињин пишет, будто на вопрос императора Павла I, посетившего Вифанию после коронации, почему он видит глубокую трещину, пересекающую искусственный грот, Платон объяснил, что она сделана специально — «для изображения события, когда по распятии Иисуса Христа, «земля дрогнула в основании и расселась гора» [23, с. 106].

Рис. 1. «Храм Платонов в Вифании». ок. 1838 г. Гравюра на стали. Гравюра напечатана издательством «Библиографический институт» И. Мейера по рисунку П. П. Свиньина [23, с. 105]

этого великого иерарха и вместе поэта не была понята и поддержаны, напротив, вскоре после его смерти, её начали по частям погребать, что было для меня, пока жил я в Вифании, источником безплодных, но глубоких сожалений. Жалко мне было, что семинарские и первоначальные постройки испорчены и забиты без нужды» [5, с. 305].

В кратких хозяйственных распоряжениях 1820-х гг., встречающихся в письмах монастырского начальства, угадывается спешное и досадливое устранение затей покойного митрополита, к которым в среде духовенства было принято относиться с иронией. Архимандрит Леонид (Кавелин, 1822–1891) зафиксировал любопытный анекдот, в котором пародировалась манера богословских выкладок Платона: «О. Евстафий просил меня передать слышанное им от своего родственника о. Аарона относительно митрополита Платона. Устроая большую церковь, он имел ту мысль, что человек умирает, как сын Адама, но воскреснет благодатию Христовою, но чтобы ему войти в славу вечную он должен быть преображен. Это раскрывал митрополит Платон и в проповеди своей на освящение храма и поэтому это весьма известно; но вот что мало кому ведомо. Устроая свой дом он поместил в нижнем этаже под домашнею церковью баню, подкрепляя это распоряжение тою мыслею, что тут есть соответствие. Как в бане человек омывает тело, так во храме душу. Иногда случалось, что пар проходил сквозь потолок бани в церковь и на престоле замечали признаки, но сказать не смели. Тотчас после смерти это нарушили» [3, с. 43].

История Вифании закончилась со смертью её основателя, а все последующие годы были затянувшейся агонией его славной идеи. В 1850 г. Филарет писал своему наместнику Антонию по поводу желания историка Русской Церкви С. К. Смирнова поработать с архивом митрополита Платона⁶: «Если Смирнов хочет писать историю Вифании: пусть пишет. Недлинная история» [18, с. 57].

Для митрополита Филарета наследие Платона было источником бесконечных забот: хозяйственных, а главное — репутационных. В первом случае — это поддержание в надлежащем виде разрушающихся построек, а во втором — необходимость объяснять, к примеру, появление языческих божеств в стихах, которые семинарские учителя подносили митрополиту в честь праздников: «Что кроме смеха и пересудов могут произвести стихи, в которых Юпитер собирает богов, рассуждают о митрополите Платоне и решают, чтобы парки не перерезали у него нить жизни? ... Владыка на Вифанские стихи и прозу смотрел как на детские упражнения, читал вскользь и не всё. Что я забытое кстати, не хочу напоминать миру, на то, надеюсь, он соизволяет» [18, с. 62]. Внимание к Вифании, чреватое публикацией вредных, по мнению митрополита Филарета, сочинений, должно было восприниматься им болезненно ещё и в силу очевидного провала ремонтных работ в обители, о которых он отчитывался перед императорской семьёй, хранившей память о Платоне, как о законоучителе императора Павла I и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. По переписке Филарета и его наместника Афанасия можно проследить их последовательность:

1822 г., август: «В Вифанской Церкви связи не klaсть. Посмотрим, что будет, естьли окажется трещина: тогда положить связь» [19, с. 18]

1825 г., март: «План Вифанских построений худо я понимаю» [19, с. 60]

1826 г., июнь: «О Вифании я Императрице в разговоре сказал за обедом в День Крещения, что стараюсь всё поддерживать в прежнем виде. Но к делу ли новые балконы?» [19, с. 74]

1826 г., август: «Скажите, пожалуйста, когда он подходил к Академии, и воротился, после всего осмотра и Вифании, или ранее! Вопрос сей может дать развязку, о которой скажу в свое время. Пожалуйста, попечитесь, чтобы око Царское могло взирать мирно на наше место и общество» [19, с. 77]

1828 г., ноябрь: «Боюсь я заводить большую ломку при перестройке Собора. Знающих дело у нас теперь нет. (Не могу я забыть, как жестоко испортили Вифанскую Церковь)» [19, с. 107]

Хотя первоначальный облик вифанского собора и был утрачен в результате череды поновлений XIX в., замысел Платона, всё ещё прочитывающийся в нём, воздействовал на воображение побывавших в Вифании в начале XX в. Так, митрополит Арсений (Стадницкий, 1862–1936) записал в своём дневнике в 1902 г.: «Чем более всматриваешься в этот двусоставный храм, тем всё более и более проникаешь в гениальную идею устроителя его. Затем, исполнение её прямо поразительно. Если я буду когда-нибудь устроить храм, то непременно по плану этого» [16, с. 54]. К сожалению, упразднение

⁶ Монография С. К. Смирнова, посвящённая истории Спасо-Вифанского монастыря, была издана в 1869 г. [24].

в середине 1920-х гг. и последовавшее затем уничтожение монастыря не дали развиться новой волне интереса, в частности, исследовательского.

Подмосковная Вифания митрополита Платона на протяжении всего времени своего существования оказывалась в фокусе внимания многих авторов, составивших свой образ этой обители. Среди них были паломники, иностранные путешественники, литераторы, мистики, насельники, наконец, чиновники от духовенства. Результатом стало появление целого корпуса текстов, весьма разнообразных с точки зрения жанровой принадлежности. Упоминания Спасо-Вифанского монастыря и описания его собора и окрестностей встречаются в письмах, мемуарах, различных произведениях литературы путешествия, среди которых выделяются русские трактаты второй трети XIX в.

1830-е — 1840-е гг. стали особым периодом в истории Вифании. Он ознаменовался последним «возрождением» обители в произведениях русских литераторов-романтиков, которое словно бы компенсировало утрату первоначального облика этого уникального архитектурного ансамбля, породив три разных образа этого места, в которых личность авторов — их убеждения, склонности и темперамент — отразились гораздо более отчётливо, нежели замысел митрополита Платона.

Тем не менее обращение русских романтиков к истории Вифании обогатило понимание своеобразия русской церковной культуры XVIII в. русской читающей публикой этого времени. Начав формироваться чуть позже описаний обители, подготовленных церковными историографами, эти сочинения предшествовали первым историческим исследованиям. Каждое из них демонстрирует собственную модель презентации одного культурно-исторического локуса — подмосковной Вифании Митрополита Платона.

Открывает ряд описание-«мистификация» П. П. Свиньина, занимающее промежуточное место между путевым анекдотом и публицистикой, вслед за ним появляются подлинный религиозно-романтический оммаж митрополиту Платону А. Н. Муравьёва и отстранённый, критический отклик С. П. Шевырёва, который во многом предвосхитил работы историков. Три эти текста, посвящённые Вифании, с точки зрения жанровой принадлежности являются энциклопедией, модифицированным в трактат. Представляется логичным типизировать их в соответствии с интенцией автора — путешествие-панегирик Свиньина, романтическое «хождение» Муравьёва и учёное путешествие Шевырёва.

Письма митрополита Филарета с поручениями наместникам иcommentarii братии монастыря раскрываются как своеобразный «метатекст» дискурса, сформированного путевой прозой второй трети XIX в. Они демонстрируют идеальное «одиночество» Платона: проект подмосковной Вифании с его замысловатым Преображенским собором нашёл интеллектуальный отклик не среди прямых учеников и современников иерарха, но в поколении русских романтиков.

Корпус письменных источников, содержащих различные упоминания о Вифанском монастыре, является сложную, насыщенную разными мнениями картину восприятия основанной митрополитом Платоном обители. Вплоть до середины XIX в. это место и личность основателя притягивало путешественников, став темой для ряда замечательных произведений в жанре литературного путешествия. Они свидетельствуют о вы-

дающихихся художественных качествах того образа, который был заключён в Вифании как архитектурном произведении, в силу разных причин оставшегося «маргиналией» в истории русской архитектуры эпохи Просвещения.

Литература

1. [Свирин А.Н.] Сергиевский историко-художественный музей. Б. Троицкая лавра // Подмосковные музеи. Путеводители. Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. — М., Л.: Гос. изд-во, 1925. — Вып. 5. — С.75–81.
2. Арсланов В.Г. Теория и история искусствознания. Т.2: Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель. — М.: Академический проект, 2015. — 435 с.
3. Арх. Леонид (Кавелин) Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. — М.: Университетская типография, 1907. — 413 с.
4. Арх. Пимен (Благово) Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. — СПб: тип. А. С. Суворина, 1885. — 462, 31 с.
5. Арх. Савва (Тихомиров) Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, архиепископе Ярославском и Ростовском. — Харьков: тип. Окр. штаба, 1877. — 8, 348, 35 с.
6. Брагинская Н. В. «Картины» Филострата Старшего: генезис и структура диалога перед изображением // Одиссея. Человек в истории. — М.: Наука, 1994. — С.274–313.
7. Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д.Бутурлина // Русский Архив. Историко-литературный сборник. — 1897. — Вып. 1–4. — С. 396–444.
8. Верещагина А.Г. Критики и искусство: очерки истории русской художественной критики середины XVIII — первой трети XIX века. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 739 с.
9. Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. — М.: Унив. тип., 1890. — 403 с.
10. Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы (1922–1930). — М.: Санта-Оптима, 2002. — 56 с.
11. Константинин М. Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин? // Не-выразимо выражаемое: экфрасис и проблемы презентации визуального в художественном тексте. — М.: НЛО, 2013. — С. 29–34.
12. Лопухин И. В. Записки Московского мартиниста сенатора И. В. Лопухина. Новое издание, с примечаниями и портретом // Русский архив. Историко-литературный сборник. — 1884. — Вып. 1–2. — С.1–155.
13. Лубяновский Ф.П. Воспоминания Ф.П.Лубяновского. 1799–1831 // Русский архив. Историко-литературный сборник. — 1872. — Вып. 3–4. — С. 450–532.
14. Мамукина О. В. Поэтика путевой прозы в русской литературе второй половины XVIII века. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. — 83 с.
15. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи. — М.: Наука/Интерperiодика, 2001. — 362 с.
16. Митр. Арсений (Стадницкий) Дневник. 1902–1903. — М.: ПСТГУ, 2012. — 526 с.
17. Митр. Платон (Левшин) Полное собрание сочинений Платона (Левшина), Митрополита Московского. Т. 1, 2. — СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1913. — 976, 704 с.
18. Митр. Филарет (Дроздов) Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию, 1831–1867 гг. Ч.3: 1850–1856 гг. — М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1883. — 432 с.
19. Митр. Филарет (Дроздов) Письма Филарета, митрополита Московского, к наместнику Троице-Сергиевской Лавры архимандриту Афанасию. — М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. — 142 с.
20. Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам русским. — СПб: тип. Штаба Отд. Корпуса внутр. Стражи, 1840. — 251 с.
21. Пономарев Е. Р. Траведог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 166. — С.562–580.
22. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Письма Императрицы Екатерины II к барону Мельхиору Гримму (1774–1796). Т. 23. / Изд. акад. Я. К. Гrot. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. — 734 с.

23. Свињин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П.П. Свињина. Ч. 1. — СПб: изд. И. Делакроа, Тип. Н. Гречи, 1839. — X, III–XVI, 386 с.
24. Смирнов С.К. Спасо-Вифанский монастырь. — М.: Тип. В. Готье, 1869. — 123 с.
25. Стендаль (М-А.Б.) Прогулки по Риму. — М.: Правда, 1978. — 446 с.
26. Толстой М.В. Воспоминания графа М. В. Толстого // Русский Архив. Историко-литературный сборник. — 1881. — Вып. 1–2. — С. 245–313.
27. Турчин В.С. Из истории западноевропейской художественной критики XVIII–XIX веков. Франция, Англия, Германия. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 366 с.
28. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. — 519 с.
29. Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С.Шевырева в 1847 году. — М.: в Университетской типографии, 1850. — 158, III с.
30. Шестаков В.П. История искусства как наука: Генезис. Типология. Эпистемология. — М.: URSS, 2022. — 248 с.
31. Эткінд А.М. Толковые путешествия: Россия и Америка в трактатах и интертекстах. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 496 с.
32. [L'Impératrice Catherine II]. Antidote, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761. — Amsterdam: M. M. Rey, 1771. — 232 p.
33. Custine A. de La Russie en 1839. T.3. — Paris: Librairie d'Amyot, Editeur, 1843. — 470 p.
34. Dashkova E. R. Memoirs of the Princess Daschkaw, lady of honour to Catherine II, Empress of all the Russians. — London: H. Colburn, 1840. — 459 p.

Название статьи. Вифания митрополита Платона в зеркале русского романтизма

Сведения об авторе. Башкирова, Мария Андреевна — аспирант. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Ленинские горы, 1, Москва, Российская Федерация, 119991. Mariya-Masha@yandex.ru ORCID: 0000-0002-3634-0491

Аннотация. Подмосковная Вифания была основана митрополитом Платоном (Левшиным) в качестве личной резиденции и будущей усыпальницы в 1783 г. При жизни Платона она стала важным духовным и интеллектуальным центром: здесь гостили И. В. Лопухин, И. М. Долгоруков, И. П. Тургенев, Ф. П. Лубяновский, император Павел I; она упомянута в воспоминаниях Е. П. Яньковой, записках Ф. де Миранда и письмах М. Уилмот. Вскоре после смерти Платона обитель пришла в упадок, несмотря на покровительство императорской семьи. Губительной для монастырского ансамбля оказалась череда неумелых ремонтов, предпринятых митрополитом Филаретом (Дроздовым) в 1820-е–1830-е гг. Тем не менее, именно в это время возникла новая волна интереса к Вифанской обители и к личности её основателя. В сочинениях русских литераторов эпохи романтизма А. Н. Муравьёва, С. П. Шевырева и П. П. Свињина Вифания обретает «вторую жизнь». Упразднение монастыря в конце 1920-х гг. и последовавшее вскоре затем уничтожение не дали развиться вновь зарождающемуся интересу (в частности, среди исследователей русской архитектуры XVIII в.). Статья посвящена образу этой уникальной православной обители эпохи Просвещения в зеркале литературных путешествий русских романтиков второй трети XIX в.

Ключевые слова: Спасо-Вифанский монастырь, митрополит Платон Левшин, Митрополит Филарет Дроздов, П. П. Свињин, А. Н. Муравьёв, С. П. Шевырев, московская архитектура последней трети 18 века, трактолог, экфрасис

Title. The Vifaniia Monastery of Metropolitan Platon as Reflected in Russian Romanticism

Author. Bashkirova, Mariya A. — Ph. D student. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation. MariyaMasha@yandex.ru ORCID: 0000-0002-3634-0491

Abstract. The Bethany (Vifaniia) Monastery was founded by Metropolitan Platon as his own residence and future shrine in 1783. During his lifetime the monastery became an important spiritual and intellectual center: Ivan V. Lopuhin, Ivan M. Dolgorukov, Ivan P. Turgenev, Fyodor B. Lubyanovskiy, and Emperor Pavel I were among the visitors, the Bethany Monastery was mentioned in Elisaveta P. Yan'kova's memories as well as in the M. Wilmot's and F. de Miranda's writings. Shortly after the Platon's passing, his monastery fell into disuse despite the imperial family patronage. The extensive repairs performed by Metropolitan Filaret (Droszdzov) in the 1820 1830s have resulted in serious harm. However, in the same time, there was growing interest in the Vifaniia Monastery and the personality of Metropolitan Platon. In the writings by the Russian authors of the Romantic Age Andrew N. Murav'ev, Stepan P. Shevyrev, and Pavel P. Svin'in, the Vifaniia obtained "the second life". The de-

struction of the monastery, coming soon after its suppression in the 1920th, didn't allow the next wave of interest in the Vifaniia (particularly from researches of the 18th-century Russian architecture) to develop further. This article focuses on the perception of this unique orthodox monastery of the Age of Enlightenment in the travel narratives by the Russian romantic writers.

Keywords: The Bethany Monastery, Vifaniia, Metropolitan Platon Levshin, Metropolitan Filaret Drozdov, Andrew N. Murav'ev, Pavel P. Svin'in, Stepan P. Shevyrev, topography of Holy Land, Moscow architecture, last third of 18th century, travelogue, ekphrasis

References

- L'Impératrice Catherine II. *Antidote, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761*. Amsterdam, M. M. Rey Publ., 1771. 232 p. (in French).
- Archimandrit Leonid (Kavelin). *Iz zapisok preosviashchennogo Leonida, arkhiereiskopa iaroslavskogo* (From the Writings by the Right Reverend Leonid, Archbishop of Yaroslavl). Moscow, Universitetskaia tipografia Publ., 1907. 413 p. (in Russian).
- Arkhimandrit Pimen (Blagovo). *Rasskazy babushki. Iz vospominanii piati pokolenii, zapisannye i sobrannye ee vnukom D. Blagovo* (The Granny's Tales. From the Memoirs of the Five Generations Recorded and Gathering by Her Grandson D. Blagovo). St. Petersburg, Tipografia A. S. Suvorina Publ., 1885. 462; 31 p. (in Russian).
- Arkhimandrit Savva (Tikhomirov). *Vospominaniia o vysokopreosviashchennom Leonide, arkhiereiske Iaroslavskom i Rostovskom*. (The Memoirs of the Right Reverend Leonid, Archbishop of Yaroslavl and Rostov). Kharkiv, Tipografia Okruzhnogo shtaba Publ., 1877. 8, 348, 35 p. (in Russian).
- Arslanov V. G. *Teoriia i istoriia iskusstvoznaniiia. T. 2: Prosveshchenie. F. Schelling i G. Hegel* (The Theory and History of Art Studies. Vol. 2: Enlightenment. F. Schelling and G. Hegel). Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 435 p. (in Russian).
- Braginskaya N. V. "Imagines" by Philostratus the Elder: The Genesis and Structure of the Dialogue before The Image. *Odissei. Chelovek v istorii* (Odysseus. Human in History). Moscow, Nauka Publ., 1994. pp. 274–313 (in Russian).
- Buturlin M. D. The Writings by Count M. D. Buturlin. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik* (The Russian Archive. Literary and Historical Digest), 1897, vol. 1–4. Moscow, Universitetskaia tipografia Publ., pp. 396–444 (in Russian).
- Chereiskii L. A. *Pushkin i ego okruzhenie* (Pushkin and His Circle). Leningrad, Nauka Publ., 1975. 519 p. (in Russian).
- Custine A. de. *La Russie en 1839*. Paris, Librairie d'Amyot Publ., 1843. 470 p. (in French).
- Dashkova E. R. *Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russias*, vol. 2. London, H. Colburn Publ., 1840. 459 p.
- Dolgorkov I. M. *Kapishche moego serdtsai, ili slovar' vsekh tekhn lits, s koimi ia byl v raznykh otnosheniiakh v techenii moi zhizni* (The Sanctuary of My Heart, or The Dictionary of the All Persons I Got Involved with in My Whole Life). Moscow, Universitetskaia tipografia Publ., 1890. 403; 25 p. (in Russian).
- Etkind A. M. *Tolkovnie puteshestvii: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* (The Interpretation of Travel: Russia and America in Travelogues and Intertexts). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 496 p. (in Russian).
- Grot I. K. (ed.) The Letters from Empress Catherine II to Friedrich Melchior Baron von Grimm (1774–1796). *Sbornik Imperatorskogo Russkago Istoricheskogo Obshchetsva* (The Collection of The Imperial Russian Historical Society), vol. 23. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1878. 734 p. (in French).
- Konstantini M. Ekphrasis: The Concept of Literary Analysis Or a Meaningless Term? *Nevyrazimo vyrazimoe: ekfrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste* (Inexpressibly Expressible: Ekphrasis and Problems of Visual Representation in a Literary Text). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 29–34 (in Russian).
- Lopukhin I. V. The Writings by the Moscow Martinist Senator I. V. Lopukhin. *Russkii arkhiv* (The Russian Archive. Literary and Historical Digest), 1884, vol. 1–2. Moscow, Universitetskaia tipografia Publ., pp. 1–155 (in Russian).
- Lubianovskii F. P. The Memoirs by F. P. Lubianovskii. 1799–1831. *Russkii arkhiv* (The Russian Archive. Literary and Historical Digest), 1872, vol. 3–4. Moscow, Tipografia V. Gracheva i C° Publ., pp. 450–532 (in Russian).

Mamurkina O. V. *Poetika putevoi prozy v russkoj literature vtoroi poloviny XVIII veka (The Poetry of the Travel Prose in the Russian Literature of the Second Half of the 18th Century)*. St. Petersburg, LGU imeni A. S. Pushkina Publ., 2015. 83 p. (in Russian).

Miranda F. de. *Puteshestvie po Rossiiskoi Imperii (The Voyage through the Russian Empire)*. Moscow, Nauka-Interperiodika Publ., 2001. 362 p. (in Russian).

Mitropolit Arsenii (Stadnitskii). *Dnevnik. 1902–1903 (The Diary. 1902–1903)*. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2012. 526 p. (in Russian).

Mitropolit Filaret (Drozdov). *Pis'ma mitropolita Moskovskogo Filareta k namestniku Sviato-Troitskoi Sergievoi lavry arkhimandritu Antoniu, 1831–1867 gg. Vyp. 3:1850–1856 (The Letters from Metropolitan of Moscow Philaret Drozdov to his Vicar of Trinity Sergius Lavra Archimandrite Antonius, 1831–1867. Vol. 3: 1850–1856)*. Moscow, Tipografia E. Lissner i J. Roman. Publ., 1883. 432 p. (In Russian).

Mitropolit Filaret (Drozdov). *Pis'ma Filareta, mitropolita Moskovskogo, k namestniku Troitske-Sergievoi lavry arkhimandritu Afanasiu (The Letters from Philaret, Metropolitan of Moscow, to His Vicar of Trinity Sergius Lavra Archimandrite Athanasius)*. Moscow, Tipografia M. G. Volchaninova Publ., 1886. 142 p. (in Russian).

Mitropolit Platon (Levshin). *Polnoe sobranie sochinenii Platona (Levshina), Mitropolita Moskovskogo (The Complete Works of Platon (Levshin), Metropolitan of Moscow)*, vols. 1, 2). St. Petersburg, Tipografia P. P. Soikina Publ., 1913. 976 p., 704 p. (in Russian).

Murav'ev A. N. *Puteshestvie ko sviatym mestam russkim (The Travel to the Holy Russian Site)*. St. Petersburg, 1840. 251 p. (in Russian).

Ponomarev E. R. Travelogue vs. Travel Essay: Postcolonialism in Russian Style. *Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer)*, 2020, vol. 166, pp. 562–580 (in Russian).

Shestakov V. P. *Istoriia iskusstva kak nauka: Genезис. Tipologija. Epistemologija (The Art History as Science: Genesis, Typology, Epistemology)*. Moscow, URSS Publ., 2022. 248 p. (in Russian).

Shevyrev S. P. *Poezdka v Kirillo-Belozerskii monastyr'. Vakatsionnye dni professora S. Shevyreva v 1847 godu (The Trip to the Kirillo-Beloozero Monastery. The Vacation of Professor S. Shevyrev in 1847)*. Moscow, v Universiteteskoi tipografii Publ., 1850. 158, III p. (in Russian).

Smirnov S. K. *Spaso-Vifanskij monastyr' (The Christ-Bethany Monastery)*. Moscow, Tipografia V. Got'e Publ., 1869. 123 p. (in Russian).

Stendhal (M-A. B.) *Promenades dans Rome*. Moscow, Pravda Publ., 1978. 446 p. (in Russian).

Svin'in P. P. *Kartiny Rossii i byt raznoplemennykh ee narodov. Iz puteshestvii P. P. Svin'ina. (The Views of Russia and the Life of Its Tribes. From the Travelogues by P. P. Svin'in)*. St. Petersburg, Tipografia N. Grecha Publ., 1839. 386 p. (in Russian).

Svirin A. N. *Vifaniia. Sergievskii istoriko-khudozhestvennyi muzei. B. Troitskaia lavra. Korbukha. Vifaniia. Podmoskovnye muzei. Putevoditeli (Sergievskii Art-historical Museum. Former Troitskaia lavra. Korbukha. Vifaniia. The Moscow Region Museums)*. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1925. pp. 75–81 (in Russian).

Tolstoy M. V. The Memoirs by M. V. Tolstoy. *Russkii arkhiv (The Russian Archive. Literary and Historical Digest)*, vol. 1–2. Moscow, Universitetskaia tipografia Publ., 1881, pp. 245–313 (in Russian).

Turchin V. S. *Iz istorii zapadno-europeiskoi khudozhestvennoi kritiki 18–19 vekov. Frantsiiia, Angliia, Germaniia (From the History of the Western European Art Critic of the 18th–19th Centuries. France, England, Germany)*. Moscow, Moscow State University Publ., 1987. 366 p. (in Russian).

Vereshchagina A. G. *Kritiki i iskusstvo: ocherki istorii russkoi khudozhestvennoi kritiki serediny XVIII — per-voi treti XIX veka (Critics and Art: Essays on the History of the Russian Art Criticism of the Middle of the 18th Century — the First Third of the 19th Century)*. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 2004. 739 p. (in Russian)

Zlochevskii G. D. *Obshchestvo izucheniiia russkoi usad'by (1922–1930) (The Society for Russian Estates' Research (1922–1930))*. Moscow, Santa-Optima Publ., 2002. 56 p. (in Russian).